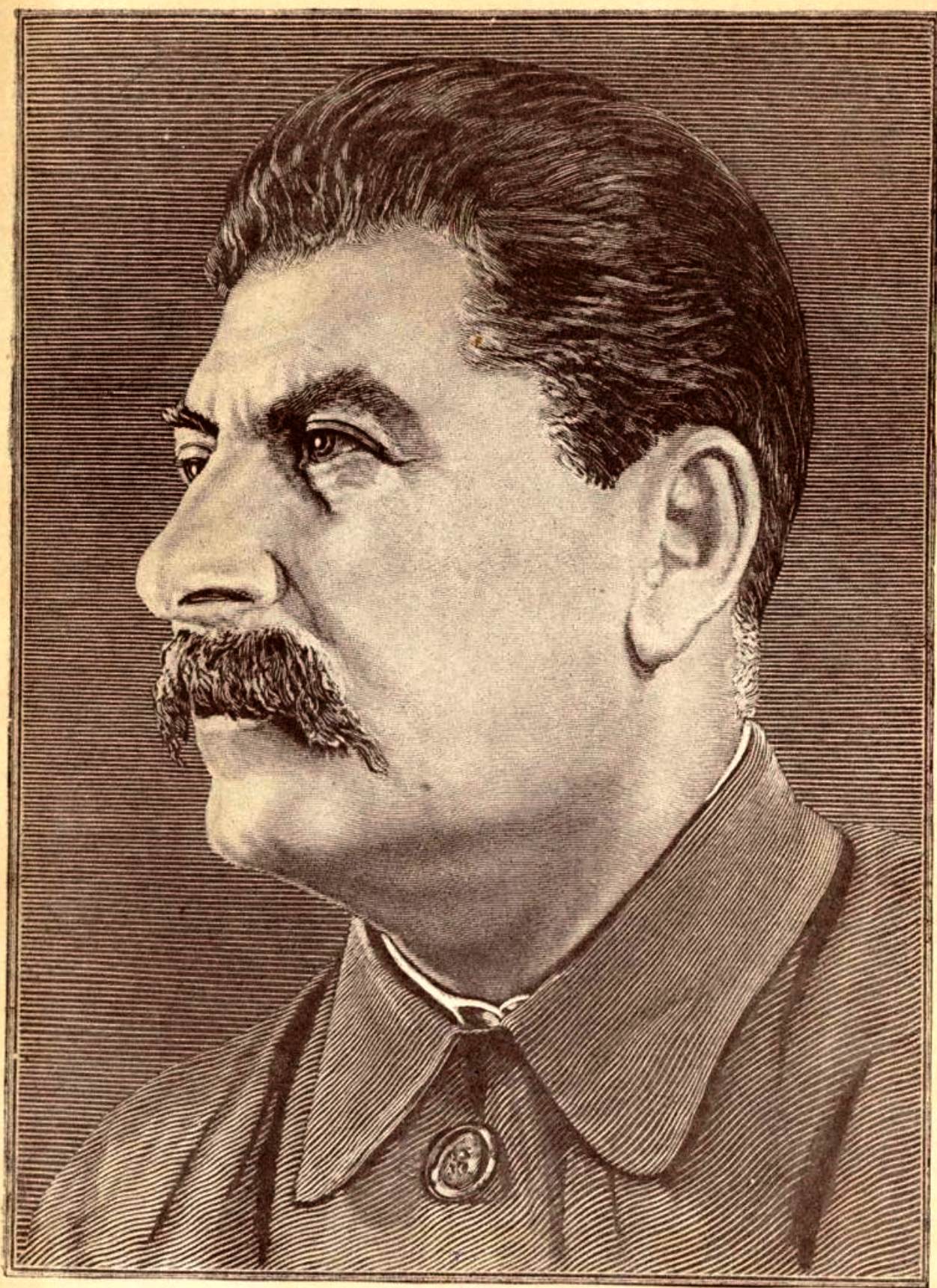

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ПРАВА**

6

.....
1 9 3 9

Секция фотографических исследований Одесского института научно-судебной экспертизы

Цель нашей статьи — вынести на широкое обсуждение способ исследования письма, практикуемый в Одесском институте научно-судебной экспертизы; над разработкой этого способа особенно много потрудился покойный проф. С. Н. Матвеев, вкратце изложивший его в статье «Идентификация письма и собирание сравнительных материалов» (опубликована в 1931 г.). На эту же тему был сделан мною доклад в январе 1939 г. на конференции трех украинских институтов научно-судебной экспертизы (Киевского, Харьковского и Одесского) в Харькове.

* * *

Прежде чем излагать основы нашего метода, рассмотрим процесс или акт письма с физиологической точки зрения.

Человек, приступающий к усвоению искусства письма, будь то ребенок или взрослый, первоначально сосредоточивает свое внимание на выполнении каждой буквы и каждой ее части; по мере упражнения и усвоения определенных навыков письмо становится более автоматичным. Конечно, автоматизм письма вырабатывается постепенно: у начинающего обучаться письму он может в первое время ограничиваться только выполнением отдельного (прямого) штриха, когда человек, начав данный штрих сверху, не раздумывая, продолжает его вниз. Постепенно развивается способность автоматически выполнять отдельные буквы, потом несложные соединения букв (подобные слогам), потом целые слова и даже комбинации слов. Наиболее сильно этот автоматизм, естественно, проявляется при выполнении собственной подписи.

Акт письма является в полном смысле слова психо-физиологическим, ибо в нем одновременно проявляется психическая и физиологическая деятельность человека.

Акт этот по самой своей природе динамичен, и в силу этой динамичности письмо данного индивидуума является изменчивым. Из предыдущего ясно, что письмо каждого человека меняется, постепенно совершенствуясь по мере овладения самым процессом письма; максимального совершенства в письме достигают люди, от которых по самой их профессии постоянно требуется письмо хорошим почерком (бухгалтеры, канцеляристы); у малописущих людей почерк останавливается в своем развитии; у людей, которым по условиям их работы чаще всего

приходится делать только беглые заметки на ходу, в неудобных условиях, почерк регрессирует, становясь менее разборчивым. Все эти изменения в почерке происходят в продолжение довольно значительных промежутков времени.

Письмо изменчиво также в зависимости от своего целевого назначения: заявление в наркомат человек пишет иначе, чем записку, пересылаемую товарищу во время заседания; подпись под серьезной денежной распиской выполняет иначе, чем подпись в разносной книге.

Письмо меняется в зависимости и от настроения пишущего и от внешних причин.

Чрезвычайно сильные изменения в письме происходят в связи с некоторыми болезнями, в особенности же с болезнями, затрагивающими деятельность мозга, как, например, прогрессивный паралич; утверждают, что по изменениям в письме эту болезнь можно диагностировать раньше, чем по каким-либо другим признакам.

Наконец — и это далеко не самое мало важное — письмо изменяется сознательно, по желанию пишущего, в особенности в тех случаях, когда человек стремится выполнить письмо так, чтобы авторство его нельзя было установить. В этих случаях, письмо становится неестественным, искусственным; обыкновенно при этом появляются некоторые признаки, по которым можно установить факт искусственности выполнения данного текста; однако более подробно говорить об этом здесь мы не будем, поскольку этот частный вопрос выходит из пределов намеченной нами общей темы.

Мы указали столько причин изменчивости письма, что может возникнуть принципиальный вопрос: возможно ли вообще производить идентификацию личности по почерку при существовании таких широких пределов изменчивости? Следует, однако, подчеркнуть тот факт, что наряду с изменчивостью существует и устойчивость письма. Изменчивость и устойчивость между собой связаны.

Писать совершенно иначе, чем всегда, задача чрезвычайно трудная, почти невыполнимая. Намеренно изменить почерк возможно, но в большинстве случаев по написанному тексту можно установить, что было преднамеренное изменение почерка, ибо в такого рода письме, как было уже сказано, появятся некоторые

признаки, говорящие об искусственности выполнения письма.

Чем же обусловлена устойчивость письма? Мы уже говорили о процессе письма и о постепенном развитии способности к письму. С течением времени усваиваются определенные очертания письменных знаков, которые живут в памяти и осуществляются при связном письме с помощью движений, наиболее удобоисполнимых для данного индивидуума. Постепенно усваиваются определенные навыки, а самый акт письма у хорошо пишущего субъекта в конце концов становится автоматическим, поскольку пишущий при выполнении письма, как правило, занят только смыслом того, что он пишет, и почти совсем не думает над тем, как воспроизвести тот или иной штрих или букву.

Каждый из нас нередко производит идентификацию письма, догадывается об его авторе по адресу на конверте, не распечатывая письма. Некоторые являются идентификаторами по своей профессии (служащие на почте, в сберегательных кассах и т. п.).

При исследовании письма необходимо руководствоваться общепринятыми научными методами — анализом и синтезом. Эти два метода связаны между собой.

Метод исследования письма, выработанный в Одесском институте научно-судебной экспертизы за 25-летний период его существования, вполне соответствует основам аналитическо-синтетического метода. Подходя с этой точки зрения к исследованию письма, мы должны прежде всего расчленить письмо, найти то наиболее элементарное, что в нем есть, и потом по ступеням подниматься выше — от анализа к синтезу.

Элементом письма является штрих; штрихи связываются между собой, объединяются в буквы, буквы — в слова, слова — в строки, строки — в текст. Способность к письму в конце концов сводится к способности воспроизводить и связывать между собою штрихи. А эта последняя способность, как было указано выше, в свою очередь обусловлена способностью, умением и навыком строго координировать необходимые при письме движения мышц. Управляющим центром, от которого в конце концов зависит эта координация, является головной мозг.

Приступая к исследованию данного текста, мы прежде всего сосредоточиваем свое внимание на выполнении штрихов. Штрихи естественным образом подразделяются на основные, выполняемые приводящими или центростремительными движениями, и соединительные, выполняемые отводящими или центробежными движениями. Непрерывное соединение тех и других осуществляется либо при помощи углов, либо при помощи дуг (так называемых закруглений). Наиболее легко выполняются прямые основные

штрихи, ибо в их воспроизведении принимает участие меньшее число мышц, обуславливающих однотипные движения, и координация их работы достигается легче; несколько сложнее выполнение прямых соединительных штрихов. Наиболее же трудны для воспроизведения дугообразные штрихи (закругления, ибо в их выполнении принимает участие большее количество мышц, и координация их сокращений и расслаблений вообще более сложна. В зависимости от развития способности координировать работу частей нашего тела, принимающих участие в акте письма, штрихи получают либо более плавные, либо в большей или меньшей степени угловатые и извилистые; в особенности показательными для оценки координации движений являются дугообразные штрихи. Параллельно с качеством выполнения штрихов мы рассматриваем и оцениваем способность данного автора к связному письму, т. е. способность воспроизводить то или иное число письменных знаков слитно, не отрывая пишущего инструмента от бумаги. Далее, обращается внимание на способность к постепенному усилению и ослаблению нажима на штрихах, на равномерность нажимов, на способность сохранять определенный угол наклона штрихов, определенное расстояние между штрихами, способность выдерживать определенные размеры букв, а также сохранять прямолинейное и параллельное направление строк.

Все эти особенности письма, относящиеся к штрихам и их соединениям, нельзя расценивать оторванно друг от друга; надо взять их в общем комплексе и таким образом прийти к определенному выводу о степени выработки почерка у данного автора. Если в двух сравниваемых текстах устанавливается несомненное различие в степени выработки почерка, это в большинстве случаев дает возможность сейчас же прийти к заключению, что сравниваемые тексты выполнены различными авторами. Такой способ исключения на практике в особенности полезен тогда, когда имеются спорные тексты, выполненные каким-либо одним неизвестным лицом, и целый ряд заподозренных лиц. Если письмо, подлежащее спору, выполнено прекрасно выработанным почерком, а некоторые из заподозренных владеют пером слабо (при чем выяснено, что имеющиеся образцы действительно дают их нормальное письмо, а не измененное, не искусственное), тогда представляется возможным сразу отвергнуть авторство этих лиц.

Если в степени выработки почерка оказывается сходство или не слишком значительное различие, то после указанного выше исследования можно только сделать вывод, что возможность выполнения сравниваемых текстов одним и тем же лицом

не исключается. Вывод этот весьма ценен для эксперта, однако остановить на нем свое исследование он не может и не должен.

Дальнейшая работа эксперта заключается в изучении привычек и особенностей письма данного автора. У каждого человека, как было сказано выше, в результате особенностей его организации и внешних воздействий вырабатывается особый, именно ему свойственный почерк; постепенно усваиваются привычки, отвечающие наибольшему удобству выполнения письма данным автором. Вообще говоря, параллельно с выработкой почерка растет и степень индивидуализации письма, т. е. развиваются индивидуальные отклонения от общепринятых форм; но, конечно, вполне возможно, что у того или иного индивидуума будет обгонять в своем развитии то или иное из двух рассматриваемых свойств: при большей степени выработки почерка может оказаться меньшая степень индивидуализации письма, и наоборот. Таким образом, корреляция между этими двумя свойствами оказывается довольно сложной.

Чтобы охватить по возможности все привычки и особенности письма, они изучаются в определенной последовательности. Исследования производятся в следующем порядке:

1. Привычки, относящиеся к воспроизведению штрихов (прямых и дугообразных). Сюда относятся: величина наклона основных штрихов к линии строки (в значительной степени зависящая от привычки так или иначе располагать лист бумаги по отношению к своему телу), степень нажима и распределение нажима на штрихах (что находится в большой зависимости от качества употребленного пера), соотношение между расстоянием и высотой основных штрихов (т. е. разгон письма), выполнение овалов, соединительных штрихов и частей букв в том или ином направлении (по ходу или против хода часовой стрелки), большее или меньшее развитие надстрочных и подстрочных штрихов, составляющих части букв, наконец — величина и направление начальных и заключительных штрихов.

2. Формирование букв и других знаков, включая пропорции между ними и их частями, внутрибуквенные соединения, знаки краткости, черточки, точки и другие мелкие особенности.

3. Способы соединения букв в словах, способы связывания их, часто ведущие к деформации самих букв, объединение букв в группы (группировка).

4. Распределение слов по строке, расстояние между словами, направление и форма строк, способ переноса слов.

5. Наконец, распределение текста по бумаге (поля, красные строки, способ писать и располагать дату и т. д.).

Вот ряд признаков, которые в совокупности дают ясное представление о привычках письма данного автора. В целом все эти признаки, в особенности те, которые указаны в пунктах 2 и 3, дадут возможность оценить и степень индивидуализации письма данного автора.

Наконец, если количество и качество материала дают эту возможность, следует обращать внимание на стиль письма, на степень его грамотности и литературности.

Из всех перечисленных выше привычек письма только привычки, указанные в п. 2, возбуждают в настоящее время некоторые возражения и споры. Дело в том, что эксперты-каллиграфы часто основывали свои заключения на сопоставлении почти исключительно буквенных форм, не учитывая ни их изменчивости, ни возможности случайного совпадения или преднамеренной имитации, и поэтому приходили к ошибочным заключениям. Часто и теперь за графическую экспертизу берутся совершенно неопытные люди, выбирают для сравнения 4—5 мало характерных букв, усматривают в них сходство (нередко даже тогда, когда его в действительности нет) и, не обращая внимания на все остальное, приходят к заключению о «тождестве» сравниваемых почерков. Этот «каллиграфический», с позволения сказать, «метод» вызывает вполне естественно возмущение и протесты.

Наряду с этим в некоторых случаях делается совершенно неправильный по существу вывод, что при графической экспертизе пользоваться сравнением буквенных форм вообще нельзя. Подобная тенденция проводится и у некоторых советских авторов; при этом исключение делается только для деталей букв¹.

Между тем иногда какой-либо буквенный знак в целом является более характерным, чем его отдельные детали; американские исследователи письма ввели даже особый термин (trade mark — фабричная марка), характеризующий такие исключительно характерные буквенные формы. В общем комплексе и изучение формирования буквенных знаков должно играть свою положительную роль, содействуя характеристике исследуемого почерка. Опытный эксперт, сознавая всю изменчивость буквенных форм, возможность их случайного совпадения и имитации, ни в коем случае не может и не должен отказываться от их сравнительного исследования, подвергая, однако, свои наблюдения критической оценке.

Всесторонний анализ данного текста, произведенный указанным выше способом, в соединении с синтезом дает воз-

¹ «Криминалистика», изд. 1938 г., стр. 281.

возможность достаточно полно охарактеризовать почерк данного автора, а при сравнительном исследовании — решить вопрос об идентичности сравниваемых почерков. Идентичность способности к координации мышечных сокращений, необходимых при письме, идентичность привычек письма, уровня грамотности и способности владеть словом дает достаточно материала для суждения о степени сходства сравниваемых почерков.

В нашем методе лишь немногие особенности письма, и при том далеко не всегда, подвергаются измерениям: это — наклоны основных штрихов к линии строки, распределение наклонов в одинаковых словах (в особенности в подписях) и разгон письма. Подобные измерительные методы, по нашему мнению, могут иметь ценность только для исследования письма наиболее автоматического, а именно — для исследования подписей. Здесь же допустимы и применение геометрического исследования в виде построения линии, соединяющей между собою основания штрихов, и линии, соединяющей вершины штрихов, и изучение хода этих линий в сравниваемых подписях. Следует отметить, что подобные способы исследования в случаях обнаружения сходства могут служить лишним указанием в пользу идентичности, но при обнаружении различия они, в силу изменчивости письма, не могут вести к отрицанию идентичности.

Графометрический метод Локара на первый взгляд имеет большую научную ценность. Рассмотрим, однако, этот вопрос глубже. Допустим, что мы произвели измерения какой-либо величины, характеризующей штрихи, и представили свои результаты в виде кривой; для этого мы использовали материал, имеющийся в данном образце письма, выполненном определенным лицом. Если бы мы взяли такой же текст, вторично выполненный тем же лицом, и снова произвели бы те же самые измерения, то кривая, полученная во второй раз, вследствие изменчивости письма не совпала бы полностью с первой кривой. Между ними всегда будут расхождения, и в некоторых случаях весьма значительные. Какие пределы расхождения следует считать допустимыми для исследуемых кривых и при каких расхождениях следует прийти к выводу о различии авторов, — никем не установлено, и установить это, по видимому, невозможно. Отсюда видно, что, хотя этот метод и использует тщательные и, может быть, достаточно точные измерения, однако в конце концов оценка полученных результатов производится на-глаз; в этой оценке — не менее субъективного, чем в некоторых других оценках, производимых без измерений, непосредственно на-глаз.

Может ли быть приложен к изучению такого изменчивого явления, как письмо,

метод статический? Для применения этого метода следовало бы иметь чрезвычайно обильный материал, подлежащий исследованию, и затратить очень много труда и времени на измерения и их обработку. В практической работе советского эксперта этот метод неприменим уже потому, что он требовал бы непомерно большой затраты времени. По существу же этот метод чрезмерно формален и лишь косвенно затрагивает существо исследуемого объекта.

Наиболее далеко в направлении применения геометрии к письму пошел немецкий графометр Лангенбрух; он подвергал измерениям линии и углы, построенные на основе некоторых, в сущности произвольно взятых точек, представляющих начала или концы тех или иных штрихов, входящих в состав исследуемого слова. У нас этот «графогеометрический» метод некоторое время применялся в Киевском (проф. Фаворский) и в Харьковском институтах научно-судебной экспертизы, но был оставлен, поскольку он вел к частым ошибкам. Забравован он и в капиталистических странах. Основная (принципиальная) ошибка этого метода состоит в том, что он подходит к письму не как к динамическому акту, а применяет к нему чисто статические мерки, как к результату поставленного штампа. Изменчивость письма при этом вовсе не учитывается.

Возвращаясь еще раз к правильной методике исследования письма, необходимо особо упомянуть о том, что ни в коем случае нельзя при исследовании письма, в особенности же подписей, ограничиваться только осмотром документов невооруженным глазом. Только при исследовании с помощью микроскопа могут выявляться такие мелкие признаки, которые сразу покажут, что исследуемая подпись выполнена искусственно; таким образом, часто простым микроскопическим исследованием можно решить вопрос о поддельности данной подписи.

Одесский институт научно-судебной экспертизы на первых шагах своей работы перепробовал самые различные методы исследования и идентификации письма, отчасти применял и метод графометрический, но потом было выяснено, что существующие методы недостаточны, и постепенно был выработан тот метод, о котором говорилось выше. В первую очередь исследуется степень выработки почерка, а затем, в тех случаях, когда это необходимо, исследуются привычки письма, которые и изучаются достаточно всесторонне.

* * *

Переходим к критике тех сведений об исследовании письма, которые даны в книге «Криминалистика», изд. 1938 г.

Мы не будем останавливаться на некоторых ошибках и неточностях, допущен-

ных в статье тов. Зицера «Исследование документов» (стр. 26—31), и перейдем прямо к статье тов. Поталова «Установление автора письма». Здесь устанавливается точка зрения на «письмо, как целостную систему движений», и вводится представление о постепенном приобретении привычек. Далее дается указание, что «исследование письма проводится в порядке изучения общих признаков и особенностей, при том не изолированно, а в их взаимной связи и во взаимоотношении со всей системой движений в данном почерке». Последовательно изучаются: 1) привычки относительно размещения текста; 2) общие признаки почерка; 3) особенности, выраженные в рефлекторных движениях и мелких привычках письма. Под «общими признаками почерка» (п. 2) автор понимает следующее: а) степень приспособленности движений к существующей системе письма, или выработанность почерка; б) направление движений, свойственное пишущему при образовании письменных знаков и связей между ними, и в) взаимоотношение движений в их одинаковых сочетаниях в соответствии с их относительной величиной и положением на линии письма».

Формулировка последнего пункта темна и непонятна, а последнее выражение — «положение движений на линии письма» — вообще вряд ли допустимо.

Прежде чем обсуждать намеченную здесь схему производства исследования письма, скажем несколько слов об употребленном здесь, а также в статье тов. Зицера, термине «признаки почерка» или «признаки письма».

Вполне естественно говорить о признаках чего-либо не вполне известного, недостаточно установленного или сомнительного; можно говорить, например, о признаках наступления весны; врач, исследующий больного, может говорить о признаках брюшного тифа или холеры; исследователь документов, имея перед собой едва заметные остатки удаленного текста, с полным правом может сказать, что перед ним имеются признаки письма (когда-то существовавшего). Говорить же о признаках письма или почерка в том смысле, как это делает тов. Поталов, так же странно, как странно было бы говорить в геометрии о признаках треугольника или какой-нибудь другой фигуры, или в физике — о признаках жидкости или о признаках спектра. Разумеется, вместо термина «признаки письма» или «признаки почерка» правильнее было бы говорить «особенности» или «свойства» (письма, почерка). Это не придирка к словам, не педантизм: язык и мышление неотделимы, и употребление неудачного выражения вообще недопустимо, а в особенности в науке, и тем более в учебнике.

Перейдем теперь к существу дела. Факт, что письмо выполняется определенными движениями руки, управляющей пишущим инструментом, совершенно оче-

виден, и при исследовании письма о нем забывали разве только невежественные каллиграфы или крайние приверженцы графометрических и графогеометрических методов. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что тов. Поталов ставит исследование письма в зависимость от изучения движений, произведенных пишущим субъектом при выполнении акта письма. Легко представить себе колоссальные трудности сформулированной так задачи. Рассматривая какой-либо текст, мы имеем в нем только следы движений, выполненных кончиком пишущего инструмента. В некоторых случаях можно умозаключить о положении пишущего инструмента относительно листа бумаги и линии строки (о чем довольно подробно сказано у Буринского, Осборна, а также и у тов. Поталова). Но умозаключение о том, какие именно мышцы и в какой степени участвовали в выполнении письма, вряд ли всегда можно сделать, по крайней мере у тов. Поталова об этом ничего не сказано. Упоминание о движении или о системе движений у тов. Поталова остается до конца абстрактным и не выливается в конкретные формы.

Идя по стопам школы Бертильона — Рейсса, тов. Поталов рекомендует начинать исследование почерка с размещения текста по бумаге. Это иррационально уже потому, что нет никакого смысла производить такое исследование до выяснения вопроса о степени выработки почерка; в случае обнаружения полного различия в степени выработки почерка, исследование размещения текста по бумаге может оказаться совершенно излишним.

Исследование степени выработанности почерка у тов. Поталова поставлено во вторую очередь; этому «признаку» автор, как видно, не придает кардинального значения. Степень выработанности почерка он понимает, как степень приспособленности движений к существующей системе письма (стр. 271); современное же письмо, по его определению, представляет собой определенную систему скорописи (стр. 269). Что следует понимать под «системой письма» или «системой скорописи», неясно. Из дальнейших разъяснений автора видно, что под степенью выработки почерка он понимает степень приближения письма данного субъекта к каллиграфически установленным образцам. От хорошо выработанного почерка требуются: 1) твердость, с отсутствием атаксии и дрожания; 2) четкость, исключаящая между прочим, пропуски штрихов и недописывание слов до конца; 3) беглость, обусловленная связностью букв и отсутствием искусственности (вроде употребления печатного шрифта, вычурности; 4) округленность, т. е. отсутствие угловатости в овалах и соединительных штрихах. По поводу этих требований приходится высказать следующие замечания. По п. 1: проявление атаксии у

детей, обучающихся письму, или у лиц малограмотных действительно свидетельствует о слабой выработке почерка; если же признаки атаксии проявляются у хорошо пишущего субъекта от старости, болезни, опьянения или утомления, то они отнюдь не будут свидетельствовать о слабой выработке почерка. Следуя тов. Потапову, можно было бы притти к заключению, что один и тот же человек в пьяном виде или сильно прозябший имеет менее выработанный почерк, чем в нормальном состоянии. По п. 2: четкость письма никак не может быть мерилем степени выработки почерка, потому что при таком критерии ученик 1-го класса средней школы окажется с более выработанным почерком, чем профессор. По п. 3: отсутствие искусственности и вычурности письма отнюдь не свидетельствует о высокой степени выработки почерка, ибо писать искусственно может всякий (за исключением разве людей с наиболее низким развитием способности к письму), вычурность же характерна скорее для высоко развитых («писарских») почерков, чем для слабо развитых. С п. 4 следует согласиться; странно, однако, что свойство, действительно характерное для оценки степени выработки почерка, поставлено на последнем месте.

Ряд только-что указанных нами несообразностей объясняется тем, что тов. Потапов недостаточно глубоко вник в вопрос о том, что такое степень выработанности почерка, и не дал этому понятию достаточно четкого определения. Подобных недоразумений не было бы, если бы тов. Потапов определил степень выработанности почерка, как степень развития способности к координации необходимых при письме мышечных движений. Признаки же, указываемые тов. Потаповым, говорят не о степени выработки почерка, а лишь о степени каллиграфичности выполнения рассматриваемого текста. Но этот признак лишь в слабой степени может служить для идентификации письма, так как одно и то же лицо в зависимости от своего желания или от тех требований, которые предъявляются к письму, может выполнять письмо с большей или меньшей степенью каллиграфичности.

Все же остальные «признаки почерка», указываемые далее тов. Потаповым, в сущности те же, которые 35 лет назад были указаны Буринским в его книге и которыми пользуются в своем приметоописательном методе иностранные графометры; разница только в том, что каждый из этих «признаков» автор предлагает использовать для характеристики произведенных при письме движений. Даже и применяемая здесь терминология целиком позаимствована либо у Буринского, либо у иностранных графологов и графометров; так, по автору, почерки могут быть: левосторонний, правосторонний, напряженный, упрощенный, наклонный, жирный,

восходящий, нисходящий и т. д. Если и возможно употреблять некоторые из этих терминов, то, конечно, не в применении к почерку, а в применении к штрихам или линии строки. Иначе выйдут такие несообразности: если я напишу, придерживаясь обычного наклона штрихов, у меня будет почерк правонаклонный; если буду придерживаться левого наклона штрихов, у меня почерк окажется левонаклонным; при вертикальном наклоне штрихов я буду иметь прямой почерк. У одного и того же человека окажется три различных почерка, что, разумеется, невозможно. Точно так же можно будет одновременно иметь и жирный и тощий почерк. Кстати заметим, что отнесение данного почерка к тому или иному типу обычно очень немного дает для идентификации письма.

Локаровские графометрические методы излагаются без каких-либо указаний относительно пределов допустимых уклонов. Мимоходом отметим, что при определении разгона письма у тов. Потапова сделана та же ошибка, что и у Буринского: взято отношение высоты штрихов к расстоянию между ними, а не наоборот, как бы следовало.

В конце статьи указано, что для определения индивидуальности писавшего следует изучать детали письменных знаков, при чем главное внимание надо обращать на «рефлекторные движения» и мелкие привычки письма, сохраняющие наибольшую стойкость. О «рефлекторных движениях» сказано, что «они оставляют на штрихах свои следы помимо воли пишущего». Смысл термина «рефлекторный», заимствованного из физиологии, в данном случае не совсем ясен. О каких рефлексах и на какие именно возбуждения идет здесь речь, непонятно. Автор, к сожалению, не приводит ни одного примера. В графометрической литературе, правда, употребляется этот термин, но употребление его ничем не обосновано, и его следует отбросить. Автоматическое письмо вообще следует рассматривать, как результат рефлексов мускулов на раздражения, приходящие по нервам от мозговых центров.

Указание же на необходимость изучения «деталей письменных знаков» вполне правильно, но мы сказали бы шире: не только деталей, но и выполнения письменных знаков в целом. Бояться этого нечего: иногда форма письменного знака в целом говорит больше, чем форма какой-либо его детали. Во всяком случае это маленькое замечание о «деталях письменных знаков», изучение которых действительно крайне необходимо и совершенно неизбежно при идентификации письма, свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем вынужденное отступление от той общей тенденции, которая в «Криминалистике» проводилась довольно последовательно. О допустимо-

сти и целесообразности пользования буквенными формами при идентификации письма у нас было сказано выше. К сказанному ранее теперь можно добавить следующие соображения. Механически воспроизводя при письме тот или иной буквенный знак, человек в сущности воплощает определенный образ, живущий в его представлении, и воспроизведение которого является для него наиболее легким и привычным делом. Одни и те же образы воплощаются им и тогда, когда он пишет обычным способом — пером или карандашом по бумаге, и тогда, когда держит карандаш в кулаке, и при письме мелом по доске, и даже при письме левой рукой, в случае, если такое письмо производится без намерения замаскировать свои привычки. Во всех указанных случаях механизм письма, движение мускулов совершенно различны но, несмотря на это, идентификация письма часто не представляет особых затруднений именно вследствие устойчивости определенных образов, живущих в нашем сознании, в нашей памяти. На это обстоятельство слишком мало внимания обратили авторы статей о письме в «Криминалистике».

Подводя итог рассмотрению метода, описываемого тов. Потаповым, мы можем констатировать, что идея — положить в основу идентификации почерков изучение движений пишущего — оказалась не выдержанной до конца. Начав с движения, тов. Потапов в конце концов должен был обратиться к тому же самому (иногда несколько замаскированному) приметописа-

нию (разгоны, наклоны, нажимы, «напряжение»², «рефлексы» и мелкие особенности письма).

Мы полагаем, что в любой науке, исследующей сложные и запутанные комплексы явлений, следует восходить от частного и более простого к сложному, обобщенному и конкретному, а не наоборот. Поэтому мы в своем исследовании письма, исходя от такого первоначального элемента, как штрих, переходим к исследованию соединений штрихов, наконец — к способам формирования и соединения письменных знаков и, синтезируя свои наблюдения, приходим к оценке координации движений, к оценке степени выработки почерка.

Завершением исследования служит изучение своеобразных привычек автора, отразившихся в его рукописи. Тов. Потапов пытается идти обратным путем: он начинает с движения. Обратного пути восхождения от отдельных моментов, от частных к основному и общему — к движению — тов. Потапов вообще не совершает и не показывает, как это следует делать.

Наш метод хорошо оправдывает себя на практике; его легко усваивают и с успехом применяют ученики. Он вырос из потребностей практики, и практика его постоянно контролирует; а практика, как известно, есть критерий истинности теории.

² Устарелый неудачный термин, обозначающий степень связности письма.